

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск,
Российская Федерация)
sofia5@sampo.ru

В ПРОСТРАНСТВЕ В. Я. ПРОППА (ВОЗВРАЩАЯСЬ К ДЕТСКИМ ШВАМБРАНИЯМ КАК ЯВЛЕНИЯМ ФОЛЬКЛОРА)

Статья обращена к одному из феноменов детской субкультуры – игре в страну-мечту, которая многократно на разном материале исследовалась ее автором как явление детского фольклора. Возвращение к теме имеет целью акцентировать, как первообразы мифомышления (страна как остров, «островное царство»), обозначенные В. Я. Проппом, воссоздаются в детских утопиях (метафорически – детских Швамбраниях), насколько игра в страну соответствует тем основополагающим жанровым принципам, которые сформулированы великим ученым.

Ключевые слова: страна-мечта, детские утопии, остров, мечтательное воображение, поведенческий стереотип

Пространство Владимира Яковлевича Проппа – это мир его уникальных трудов, книг и статей, завоевавших мировое признание, это мир идей и прозрений великого ученого, создавшего целостную концепцию фольклора, это мир духовных и нравственных ценностей истинного интеллигента. Без Проппа невозможно себе представить не только отечественную, но и мировую фольклористику. Труды великого В. Я. Проппа, его методология анализа оказали определяющее влияние на мое существование в преподавательской и научной жизни в фольклористике. Идеями Проппа одушевлена одна из главных моих работ.

Детские игровые утопии, игры в страну-мечту. Они существенно отличаются от традиционных, уходящих в обрядовую жизнь детских игр, что сохраняют такие основополагающие константы, как название, модель, число участников, их функции, действия, движения, предметы, наличие вербальной составляющей. Эта тема, с которой в научный оборот вводится новое явление детского фольклора и детской мифологии, держит меня уже несколько десятилетий и является предметом многолетних штудий. Ей посвящено более десятка работ, которые не просто повторяют друг друга, а, используя новые источники, иногда являющиеся присланным кем-либо из коллег-филологов материалом как отклик на публикацию, дополняют уже напечатанное новыми фактами, обоснованиями, коннотациями, выявлением новых смыслов и аспектов [9].

Сама природа этих игр-импровизаций незрелищного типа сделала их «нефиксированными видами культуры» (термин В. Е. Гусева), предопределила их отсутствие в исследовательском поле, куда они не могли войти обычным для фольклористики путем. У такой игры иной «механизм» возникновения и бытования, никак не связанный с передачей от одного исполнителя другому. И рассматриваемая разновидность игр опровергает «привычное убеждение в том, что

фольклорная традиция – это только трансмиссия текстов» [14; 16]. Они не могли быть записаны в момент разыгрывания, исполнения, ибо были известны только самим участникам игры, для которых это был «театр для себя», тайная жизнь «как будто», без свидетелей, без зрителей, без внешнего перевоплощения (костюм, декорации). Такая игра, как правило, воспроизводится ретроспективно в письменной форме самими участниками, ставшими взрослыми.

Импульсом и началом изучения этих игр была Швамбрания из известной (смею сказать, классической) повести Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания». Швамбранию придумали герои повести Лелька и Оська из обиды на взрослых за наказание.

«– Давай убежём! – предложил Оська. – Как припустимся! <...>

И вдруг ослепительная идея ударила мне в голову. <...> Не надо было никуда бежать, не надо было искать обетованную землю. Она была здесь, около нас. Ее надо было *только выдумать* (курсив наш. – С. Л.). Я уже видел ее в темноте. <...>

– Оська, земля! – воскликнул я, задыхаясь. – Земля! Новая игра на всю жизнь! <...>

– А во что играть?

– В страну!.. Мы теперь каждый день будем жить не только дома, а еще как будто в такой стране... в нашем государстве. Левое вперед! <...>

И мы сошли со скамейки на берег новой страны. <...>

Все это должно было сохраняться в строжайшей тайне <...> Мы играли с братишкой в Швамбранию несколько лет подряд. Мы привыкли к ней, как ко второму отечеству» [8; 35–36].

Пристальное и детальное рассмотрение касильевской игры-импровизации в утопическую страну, истоком которой является мечтательство как неперенный элемент детского мышления, «мечтательная форма воображения <...> с ясной

установкой на то, чтобы построить известный фантастический образ, относящийся к будущему» [4; 449–450], позволило мне сначала гипотетически высказать мысль об их причастности к детскому фольклору. Затем к изучению были привлечены другие многочисленные нетрадиционные для фольклористики и этнографии источники: 1) воспоминания, дневники, эссе; 2) автобиографические повести о детстве; 3) собственно детская литература (русская – преимущественно и зарубежная).

Самые ранние изображения или упоминания детских утопий относятся к первой трети XIX века, их продолжает игра в муравейных братьев, «Фанфаронова гора» и таинственная «зеленая палочка» братьев Толстых. Пик бытования игр в страну-мечту падает на начало XX века и 1940–1950-е годы, когда были придуманы страны Н. П. Анциферова, И. М. Дьяконова, М. Пришвина, З. Герцык, М. Шагинян, И. Эренбурга, К. Паустовского, А. Макина, У. Эко и др. Заметную группу материалов составили письма-отклики с воспоминаниями: фольклористов К. В. Чистова, М. Ю. Новицкой, литературоведов В. С. Баевского, Д. И. Черашней, Б. Ф. Егорова.

Совершенно особый слой текстов появился с использованием в фольклористике в 1990-е годы таких методов собирания (преимущественно в городе), как анкетирование, опросы, домашние задания для студентов. Это тексты «письменного фольклора» нескольких видов от студентов (тетради, описания, краткие ответы с названием вымышленной страны (Арлезиания, Страна Златоторогого Оленя, Лимония, Страна Южинская, Атвитония и др.).

Среди многих выявленных игр в страну-мечту Швамбрания Л. Кассиля – одно из самых ярких и развернутых воплощений. Ее привлекательность, обаяние и в то же время достоверность состоят в том, что Кассиль перенес игру своего детства в книгу. В Швамбрании все представимо, оперсонажено, опредмечено. «Страна высокой справедливости, сладчайшего благополучия и пышного совершенства», как определяет ее автор, Швамбрания – морская держава, большой остров, имеющий форму зуба с тремя корнями, срисованными с зубоврачебной рекламы, у нее свой флот, свое флагманское судно со своим адмиралом Арделяром Кейсом. Произвольность, ассоциативность, абсолютную свободу комбинаций отражает «население» вымышленной страны (глава «Заповедник героев»), вобравшее в себя немалый книжный опыт ее создателей (несколько переименованное название страны имеет своим началом книжный источник – «Греческие мифы» Шваба). И этот искрометный праздник вымысла позволил говорить о феномене Швамбрании, превратив ее название в имя нарицательное, в метафору. Мне не раз приходилось, когда речь заходила о детских мечтаниях, слышать:

«наши детские Швамбрании», «сочиняли свои Швамбрании», «Швамбрания: Л. Мартов с братьями-сестрами в детстве играл в страну с особым моральным миром: Приличенск» [5; 436]¹.

Основанная на творческой переработке книжных и жизненных впечатлений, «комбинировании их и построении на их основе новой действительности» [3; 7], вымышленная страна Кассиля несет в себе такую степень произвольности и свободы, такое нарушение привычного порядка вещей, такую логику «обратности», что делает игру родственной карнавальная культуре как «особой форме вольного семейного контакта между людьми, разделенными в обычной, то есть внекарнальной жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, семейного и возрастного положения» [1; 13].

Наиболее близки Швамбрании игры, описанные двумя авторами мемуаров – известным литературоведом, краеведом и историком Петербурга Н. П. Анциферовым («Из дум о былом») и известным ученым-востоковедом, переводчиком И. М. Дьяконовым. Амония, Парамония и Рондалия, созданные воображением гимназиста Коли Анциферова и его друзей – братьев Фортунатовых (один из них Филипп Федорович – известный лингвист), – это «неведомая, бесконечная страна чудес и сокровищ», «первая мечта об острове блаженных». Ахагия – целый архипелаг с множеством маленьких островов-государств, придуманных героями И. М. Дьяконова в «Книге воспоминаний».

Когда сформировался / образовался обширный и разнообразный материал о детских утопических играх, явленных то как развернутый художественный сюжет, то как подробное описание, то всего лишь как упоминание или высказывание, появилась возможность обоснованно говорить о них как явлении фольклора, определить их типологические признаки.

Характеризуя типологию этой импровизационной игры в страну-мечту, назову ее доминирующую константу – это поведенческий комплекс, «поведенческий стереотип», который содержит в себе способности «к многократной повторной применимости, способности к модификациям, к вариативности» [14; 111–112]. А вариативность – основа творческого процесса в фольклоре. Варьирование не ограничивается словесной сферой. По словам Б. Н. Путилова, «варьирование может захватывать все стороны плана содержания, плана выражения и реального функционирования фольклора» [13; 201]. Фольклорное знание в нашем случае включает в себя не только и не столько тексты, сколько широкий спектр воспроизведений и исполнений. Главный повторяющийся стереотип и «стабилизатор» игры, ее сигнал, ее маркер – *страна* (или ее эквиваленты) как символ воплощенной мечты или второй «автономной реальности», которая

противопоставляется реальности существующей. Неосознанно для «авторов» игры модель страны-мечты определяет свои архетипы коллективного и бессознательного, свои первообразы мифомышления, связанные с представлениями о «волшебной стране», об «ином царстве», «стране обилия», «солнечном царстве», которое разные мифологии связывают с островным положением. Исследуя «тридцатое царство» в сказках, В. Я. Пропп называет его «островным царством». Но оно может «лежать и на горе», «быть городом». Остров, город-государство, гора – таковы «формы локализации иного царства» в фольклоре многих народов, генетически восходящие к представлениям об ином «небывалом» мире [11; 290].

Как фольклорное явление игра в страну-мечту соответствует тем основополагающим жанровым принципам, которые были сформулированы В. Я. Проппом: «общность поэтической системы, бытового назначения и формы исполнения» [12; 46]. Игра в страну-мечту содержит в себе типологические признаки детской художественной игры: 1) способ воплощения художественного образа, которым является «страна», – поэтический символ идеального, гармонического мира, мифологизированное место действия, мифологизированный локус, преимущественно островное пространство; 2) структуру страны – план содержания, всякий раз заново созданный сценарий, основанный на деятельности воображения; 3) общность функциональных и исполнительских принципов новых игровых ситуаций – игра тайная, засекреченная, тщательно скрываемая, известная только самим играющим, которых преимущественно от одного до трех-четырех человек. Существующая прежде всего как способ духовной (и что не менее важно сокровенной) консолидации узкого круга участников, такая игра в основном городских детей – всегда новый сюжет, новые мотивы, персонажи, люди и/или животные, пребывающие, как уже отмечалось, в отношениях «вольного фамиллярного контакта». Как правило, существование такой игры (слово «исполнение» в данном случае не подходит, так как это игра длительная, она не исполняется, а проживается) сопровождается созданием большего или меньшего количества атрибутов – своеобразного вещественного приложения, которое делает игру синтезом *устных и письменных форм*. Один из главных таких атрибутов – географическая карта, а самая впечатляющая – карта Швамбрании («У меня сохранились “швамбранские письма”, географические карты, военные планы Швамбрании, рисунки ее флагов и гербов»). Во всех упоминаемых мною странах реквизиты игры присутствуют и живописуются не так ярко, как в Швамбрании, но они везде-присущи.

Совершенно особая сфера в играх в страну – их ономастика, то есть все то, что относится

к именам собственным, – топонимам, антропонимам, зоонимам. Большинство из них не входит в основной словарный фонд языка, отсутствует в существующих толковых словарях или словарях имен, а относится к области словотворчества. Одна группа названий (Швамбрания, Кальдония, Бальвония, Шелопутя, Пришпандория, Гирляндия – у Кассиля; Амония, Парамония, Рондалия – у Анциферова; Ахагия, Миндосия, Пендосия, Делвария – у Дьяконова и др.) образована по одной и той же модели (суффикс -и- и окончание -я), которую известный исследователь детской речи А. Н. Гвоздев называет характерной для обозначения географических названий стран и областей в детском словотворчестве [6; 251]. Многочисленные примеры топонимов в располагаемых мною играх – замечательные плоды сочинительства, игры словом. Это произвольные и парадоксальные лексемы, близкие к зауми, образованные либо по принципу комбинаций частей разных слов, слогов и придания им самостоятельного значения, либо по принципу перестановки звуков и слогов в слове (метатезис), либо по принципу создания новых звукокомплексов, звукоподражательных, ономотопеических и междометных слов. Такая «языковая игра» – игра в игру [2; 83]. И она тем интереснее, изощреннее и богаче, чем начитаннее играющие. Это очень явственно обнаруживают игры современных детей, книжный багаж которых несравненно беднее. Тем не менее страны-утопии продолжают свою жизнь², подтверждая положение Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского о том, что мифологический тип мышления может принадлежать и немифологической культуре, что устойчивость мифологии оказывается «предметом непосредственного наблюдения при обращении к миру ребенка», ибо детское мышление является «типично мифологическим» [10; 290–295].

Утверждая бесценность вечнодетского, игры в страну-мечту, детские утопии, детские Швамбрании вошли в фольклористику, стали достоянием науки. И о том, что они расширили спектр утопических воплощений, свидетельствует мнение одного из патриархов отечественной фольклористики, автора новаторского исследования о крестьянских социально-утопических легендах К. В. Чистова [16]. В новой книге «Русская народная утопия» он назвал появление детских утопий в исследовательском поле «подлинным открытием». «Это ново и своеобразно и вполне согласуется с современным расширительным пониманием фольклора» [15; 487–488]. А известный петербургский историк, культуролог, литературовед Б. Ф. Егоров ввел детские страны-мечты в исторический путеводитель «Российские утопии» [7; 121, 270–271].

В пространстве В. Я. Проппа я впервые оказалась на первом курсе филологического факультета Петрозаводского университета, когда слушала лекции по фольклору его ученицы, позже

друга – Ирины Петровны Лупановой³. Не помню, в каком году, взяв у Ирины Петровны монографию «Исторические корни волшебной сказки» тогда единственного издания 1946 года, из-за отсутствия в библиотеках полностью переписала от руки всю книгу, и два толстых блокнота до сих пор служат мне, хотя уже обладаю вторым изданием книги 1986 года. К работам Проппа неизменно обращалась на лекциях по фольклору в Карельском педагогическом институте, на занятиях научного студенческого кружка, когда студенты узнавали его «Морфологию сказки», реферировали отдельные работы. В развитие идей Проппа написан ряд статей: «О жанровой специфике кумулятивной сказки», о кумулятивной форме в детском фольклоре, ее мифоритуальных истоках⁴. После смерти И. П. Лупановой (2003) мне были переданы письма В. Я. Проппа, которые прокомментировала и подготовила к печати⁵. И сейчас, когда достигла весьма преклонных лет, совершенно особым для меня пространством стала книга «Неизвестный В. Я. Пропп», содержащая его автобиографическую повесть «Древо

жизни», переписку с другом В. С. Шабуниним, врачом и художником, воспоминания учеников, друзей и коллег, «Дневник старости»⁶. Особенно «Дневник старости». «Под старость чувства не притупляются, а, наоборот, все обостряется; я стал еще более впечатлителен». «Я вижу, что несмотря на все свои тщательно скрываемые немощи, чего-то стою. <...> Я томлюсь неизъяснимым счастьем жизни» (это накануне своего 70-летия). «Я опять верю в свою работоспособность, в то, что моя inferнальная усталость обратима и что и в 70 можно быть бодрым». «Говорят, что наука – это подвиг, наука – это труд, большой, упорный, интенсивный. Наука – это страсть, притом страсть, с которой надо родиться. А в страстях человек не всегда волен. Вот схватил страсть – и становишься одержимым».

Настоящая статья – благодарение Владимиру Яковлевичу Проппу, в пространстве которого я находилась много десятилетий жизни. Она и дань памяти открывателю Швамбрании Льву Абрамовичу Кассилю, которому в этом году исполнилось бы 110 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ф. Искандер: «Я еще в детском саду придумал два племени: Эндурию и Кенгурию, рисовал их карты, изображая сражения между ними... Вроде Швамбрании» (Рассадин Станислав. Книга прощаний. М., 2004. С. 189).
- ² Мне удалось летом 2014 года получить от 12-летней Ксюши Ярцеровой ее тайный альбом с описанием, рисунками вымышленной страны Мурлании, в которой много атрибутов современной массовой культуры, но полностью отсутствуют книжные персонажи и ассоциации.
- ³ См.: Лупанова И. П. Минувшее проходит предо мною... Книга о пережитом. Петрозаводск, 2007. С. 170–233.
- ⁴ См.: Лойтер С. М. О жанровой специфике кумулятивной сказки // Проблемы изучения народного творчества: Респ. сб. Вып. IV. М., 1979. С. 18–28; Лойтер С. М. Кумулятивная форма в детском фольклоре: генезис, функция // Язык и поэтика фольклора. Петрозаводск, 2001. С. 150–161; Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск, 2001. С. 59–69.
- ⁵ Письма В. Я. Проппа И. П. Лупановой (1954–1967) / Вступ. ст., подгот. текстов, коммент. С. М. Лойтер // АБ-60: Сб. ст. к 60-летию А. К. Байбурина. СПб., 2007. С. 497–513; Письма В. Я. Проппа И. П. Лупановой (1968–1970) / Подгот. текстов и коммент. С. М. Лойтер // Антропологический форум. № 7. СПб., 2007. С. 403–420. (Музей антропологии и этнографии. Кунсткамера). Письма переданы мною в рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), присоединены к личному фонду В. Я. Проппа (721), зарегистрированы в «книге поступлений», № 58 (протокол № 10), о чем информировала меня зав. Рукописным отделом Т. С. Царькова в письме от 19 декабря 2007 года.
- ⁶ Неизвестный В. Я. Пропп / Предисл., сост. А. Н. Мартынова; Подгот. текста, коммент. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб., 2002. 480 с. ((Петербургская серия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. 525 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. Ч. 1. М., 1994. 206 с.
3. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Просвещение, 1967. 93 с.
4. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982. 504 с.
5. Гаспаров М. Л. Записки и выписки // НЛО. 1998. № 31 (3). С. 427–439.
6. Гвоздев А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка: В 2 ч. Ч. 1. М., 1949. 268 с.
7. Егоров Б. Ф. Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб., 2007. 416 с.
8. Кассиль Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1965. 670 с.
9. Лойтер С. М. Юмор «Кондуита и Швамбрании» Л. Кассиля и детский фольклор // Жизнь и творчество Л. Кассиля / Сост. Л. Э. Разгон. М., 1979. С. 189–202; Лойтер С. М. Игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Школьный быт и фольклор: В 2 ч. / Сост. А. Ф. Белоусов. Таллинн, 1992. Ч. 1. С. 65–75; Лойтер С. М. Детские утопии, или игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Русский школьный фольклор / Сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998. С. 605–617; Лойтер С. М. Феномен детской субкультуры. Петрозаводск, 1999. 44 с.; Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск, 2001. С. 134–173; Лойтер С. М. Еще раз о детской игре в страну // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. к 60-летию А. Ф. Белоусова. СПб., 2006. С. 59–64; Лойтер С. М. Древнегреческие истоки русских детских игровых утопий первой трети XX века // Россия и Греция: диалог культур. Петрозаводск, 2007. С. 338–343.
10. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф. Имя. Культура // Труды по знаковым системам. 6. Вып. 308. Тарту, 1973. С. 282–303.
11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.
12. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 325 с.
13. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб., 2003. 464 с.

14. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки истории. Л., 1986. 303 с.
15. Чистов К. В. Русская народная утопия (Генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. 539 с.
16. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. 341 с.

Loyter S. M., Petrozavodsk, Russian Federation

ON LITERARY LEGACY OF V. Y. PROPP (BACK TO CHILDREN'S DREAMLAND "SHVAMBRANIYA" AS FOLKLORE PHENOMENON)

The article is concerned with one of the phenomena of children's subculture – dreamland game. With the help of diverse materials the mentioned subculture has been repeatedly studied by the author as a phenomenon of children's folklore. The purpose of the study is to emphasize how the prototypes of myth thinking (land as an island, "island kingdom"), identified by V. Y. Propp, are recreated in children's utopia. Consistency of the dreamland game with the fundamental principles of the genre, which were formulated by the great scholar, is also accentuated.

Key words: dreamland, children's utopia, island, visionary imagination, behavioral stereotype

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [The art of Francois Rabelais and the folk life culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, 1965. 525 p.
2. Vitgenshteyn L. *Filosofskie raboty. Fenomenologiya. Germenevika. Filosofiya yazyka. Ch. 1* [Philosophical works. Phenomenology. Hermeneutics. Philosophy of the language]. Moscow, 1994. 206 p.
3. Vygot'skiy L. S. *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste* [Imagination and creativity in childhood]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 93 p.
4. Vygot'skiy L. S. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collection of works]. Vol. 2. Moscow, 1982. 504 p.
5. Gasparov M. L. Notes and extracts [Zapiski i vypiski]. *NLO*. 1998. № 31 (3). P. 427–439.
6. Gvozdev A. N. *Formirovanie u rebenka grammaticheskogo stroya russkogo yazyka: V 2 ch. Ch. 1* [Russian language grammar skills development in children]. Moscow, 1949. 268 p.
7. Egorov B. F. *Rossiyskie utopii. Istoricheskiy putevoditel'* [Russian utopia, A historical guide]. St. Petersburg, 2007. 416 p.
8. Kassil' L. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collection of works]. Vol. 1. Moscow, 1965. 670 p.
9. Loyter S. M. Humor of Konduit and Shvambraniya [Yumor "Konduita i Shvambranii" L. Kassilya i detskiy fol'klor]. *Zhizn' i tvorchestvo L. Kassilya / Comp. L. E. Razgon*. Moscow, 1979. P. 189–202; Loyter S. M. A game of dreamland as a phenomenon of children's folklore [Igra v stranu-mechtu kak yavlenie detskogo fol'klora]. *Shkol'nyy byt i fol'klor: V 2 ch. / Comp. A. F. Belousov*. Tallinn, 1992. Part 1. P. 65–75; Loyter S. M. Children's utopia or a game of dreamland as a phenomenon of children's folklore [Detskie utopii, ili igra v stranu-mechtu kak yavlenie detskogo fol'klora]. *Russkiy shkol'nyy fol'klor / Comp. A. F. Belousov*. Moscow, 1998. P. 605–617; Loyter S. M. *Fenomen detskoy subkul'tury* [A phenomenon of children's subculture]. Petrozavodsk, 1999. 44 p.; Loyter S. M. *Russkiy detskiy fol'klor i detskaya mifologiya* [Russian folklore and mythology for children]. Petrozavodsk, 2001. P. 134–173; Loyter S. M. Again on the children's game in the country [Eshche raz o detskoy igre v stranu]. *Fol'klor, postfol'klor, byt, literatura: Sb. st. k 60-letiyu A. F. Belousova*. St. Petersburg, 2006. P. 59–64; Loyter S. M. The Ancient Greek origin of the Russian actable utopia of children [Drevnegrecheskie istoki russkikh detskikh igrovyykh utopiy pervoy trety XX veka]. *Rossiya i Gretsia: dialog kul'tur*. Petrozavodsk, 2007. P. 338–343.
10. Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. Myth. Name. Culture [Mif. Imya. Kul'tura]. *Trudy po znakovym sistemam*. 6. Issue 308. Tartu, 1973. P. 282–303.
11. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical origin of the fairytale]. Leningrad, Izd-vo LGU Publ., 1986. 365 p.
12. Propp V. Ya. *Fol'klor i deystvitel'nost'* [Folklore of reality]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 325 p.
13. Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura. In memoriam* [Folklore and the folk life culture]. St. Petersburg, 2003. 464 p.
14. Chistov K. V. *Narodnye traditsii i fol'klor. Ocherki istorii* [National traditions]. Leningrad, 1986. 303 p.
15. Chistov K. V. *Russkaya narodnaya utopiya (Genезis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend)* [Russian national utopia. The genesis and the functions of the socio-utopian legends]. St. Petersburg, 2003. 539 p.
16. Chistov K. V. *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy* [Russian, national, socio-utopian legends]. Moscow, 1967. 341 p.

Поступила в редакцию 20.05.2015